

Азбука
PREMIUM

Жан-Кристоф Руфен

Большое Сердце

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Р 91

Jean-Christophe Rufin
LE GRAND COEUR
Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 2012

Перевод с французского Галины Соловьевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-15847-4

© Г. А. Соловьева, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Имели сердце мы одно...

Ф. Вийон

I

НА ЗЕМЛЕ БЕЗУМНОГО КОРОЛЯ

Знаю, он пришел, чтобы убить меня. Невысокий коренастый мужчина, непохожий на жителей Хиоса с их финикийскими лицами. Он старательно прячется, но я несколько раз замечал его на улочках Верхнего города и в порту.

Природа этого острова прекрасна, и мне трудно поверить, что смерть может настичь меня на фоне такого пейзажа. Я так часто в своей жизни испытывал страх, столько раз опасался яда, несчастного случая, кинжала, что в итоге составил себе довольно ясное представление о собственной кончине. Смерть всегда являлась мне в темноте, в сумерках дождливого дня, такого же мрачного и сырого, как тот, когда я родился, как дни моего детства. Каким же образом эти громадные, налитые соком опунции, эти лиловые цветы, гроздьями свисающие вдоль стен, этот недвижимый воздух, трепещущий от жары, точно руки влюбленного, эти тропинки, напоенные ароматом специй, черепичные крыши, округлые, словно бедра женщины, — как вся эта простая несуетная красота может превратиться в орудие абсолютной и вечной ночи, в жестокий холод моей смерти?!

Мне пятьдесят шесть лет. Тело мое совершенно здорово. Мучения, которые я претерпел во время судебного процесса, не оставили во мне ни малейшего следа. Они даже не внушили мне отвращения к людям. Впервые за долгое время, быть может, впервые в жизни я не испы-

тываю страха. Слава, богатство, отпущенное мне сверх всякой меры, дружба сильных мира сего заглушили во мне честолюбие, жадное нетерпение, суетные желания. Если бы смерть настигла меня теперь, это было бы вопиющей несправедливостью.

Эльвира, оказавшаяся рядом со мной, не ведает об этом. Она родилась на этом греческом острове и никогда его не покидала. Она понятия не имеет, кто я такой, — за это я ее и люблю. Я повстречал ее после того, как отбыли корабли крестonosцев. Она не видела ни судовых капитанов, ни рыцарей в боевых доспехах, не видела, как посланник папы засвидетельствовал мне вынужденное почтение и воздал лицемерную дань уважения. Они поверили, что у меня желудочные спазмы и кровотечение, и позволили остаться на этом острове, чтобы я здесь исцелился или — что более вероятно — умер. Я упробил оставить меня на постоялом дворе близ порта, а не в крепости у старого подесты. Сказал, что умру от стыда, если этот благородный генуэзец, вернувшись, узнает, что я покинул поле битвы...

В действительности я более всего тревожился о том, что ему откроется, что я совершенно здоров. Я не хотел быть ему обязанным и не хотел, чтобы он встал у меня на пути, в случае если я соберусь покинуть остров, чтобы насладиться свободой. Так что разыгралась нелепая сцена: я лежал, вытянув руки поверх покрывал, весь в испарине, но не от лихорадки, а от жары, проникавшей в спальню со стороны порта.

Возле моего ложа и на деревянной лестнице вплоть до залы внизу теснились рыцари в кольчугах, прелаты в своем самом красивом облачении, вынутом из корабельных сундуков и еще хранящем следы укладки, капитаны со шлемами под мышкой, утирающие слезы сильными пальцами. Каждый из них своим исполненным смущения молчанием словно бы утверждал, что неповинен в малодушии, с которым они, как им казалось, предоставляли меня

моей участи. Мое же молчание свидетельствовало об отпущении грехов и безропотном смирении с судьбой. Когда ушел последний посетитель и я удостоверился, что внизу, в переулке, стихли звяканье оружия, шарканье подошв и звон подков по мостовой, то разразился смехом, который до этого с трудом сдерживал. Я хохотал добрых четверть часа. Заслышав мой хохот, трактирщик-грек сперва решил, что маска отвратительной комедии скрывает мою агонию, но, когда я встал с кровати, откинув покрывала, до него дошло, что я просто счастлив. Он принес бутылку желтого вина, и мы выпили. На следующий день я ему щедро заплатил. Он раздобыл мне крестьянскую одежду, и я отправился прогуляться по городу и прикинуть, как бежать с острова. И вот в этот момент я обнаружил человека, которому было поручено меня убить. Я не ждал такой встречи и воспринял ее скорее с замешательством, чем со страхом. Увы, я давно свыкся с подобной угрозой, но в последние месяцы она почти что отступила, и я уже думал, что с этим покончено. Нынешняя слежка вновь помешала моим планам.

Отъезд с острова значительно усложнился, стал более опасным.

Прежде всего мне не следовало находиться в городе, где меня легко могли разоблачить. Я попросил трактирщика снять для меня укромный дом в деревне. На следующий день он подыскал такой и рассказал, как туда добраться. Я ушел от него неделю назад, на рассвете. Хижины я обнаружил далеко не сразу: она была защищена от берегового ветра колючей изгородью, скрывавшей ее от посторонних глаз. Утреннее солнце уже вовсю припекало, я был в поту и в мелкой меловой пыли. Меня поджидала высокая темноволосая женщина, она назвалась Эльвирой. Трактирщик, должно быть, решил, что я допустил ошибку, дав ему лишку. Чтобы я, обнаружив свою промашку, не вернулся, он посчитал нужным к арендованному жилью добавить еще и женщину.

Эльвира, с которой я мог общаться разве что взглядом, приняла меня просто, с чем я давно не сталкивался. Для нее я был не казначеем короля, не беглецом, которому покровительствует папа, я был просто Жак. Мою фамилию она узнала, лишь когда я взял ее руку и прижал к своему сердцу. Единственное, что последовало за этим признанием, — она в свою очередь прижала к сердцу мою руку, и тогда я впервые ощутил под ладонью ее упругую округлую грудь.

Молча она заставила меня снять одежду и омыла душистой лавандовой водой, нагретой на солнце в глиняном кувшине. Пока она мягко натирала меня измельченной золой, я глядел на серо-зеленый берег, поросший оливковыми деревьями. Корабли крестоносцев дождались мельтема¹, чтобы покинуть порт. Они удалялись медленно, их паруса едва раздувались под теплым ветерком. Отчего мы до сих пор называем Крестовым походом эту последнюю морскую прогулку, совершающуюся на изрядном расстоянии от турок?! Три столетия назад, когда рыцари, проповедники, нищие и убогие устремлялись в Святую землю, чтобы обрести там мученичество или славу, эти слова что-то значили. Ныне же, когда Оттоманская империя всюду одерживает победы и ни у кого нет ни средств, ни намерения сражаться с ней, а экспедиции сводятся к тому, чтобы поддержать и вооружить проникновенным словом веру на нескольких островах, еще не раздумавших сопротивляться туркам, громко именовать это плавание Крестовым походом — чистый обман! Это всего лишь старческая прихоть папы. Увы, этот старик спас мне жизнь, поэтому я тоже принял участие в этом маскараде.

Эльвира взяла морскую губку, напитанную теплой водой, и тщательно омыла каждую пядь моего тела; я вздрог-

¹ *Мельтем* — так на Кикладских островах называют северный ветер. — *Здесь и далее примеч. перев.*

нул, ощутив прикосновение, отдававшее терпкой нежностью кошачьего языка. На синем щите моря уныло маячили корабли. Покачиваясь, они едва продвигались вперед, их мачты были наклонены, будто посохи калек, вытянувшихся цепочкой. Пронзительное пение сверчков вокруг нас подчеркивало исполненную ожидания тишину. Когда я привлек Эльвиру к себе, она чуть отстранилась и повела меня в дом. Для жителей Хиоса, как вообще для восточных народов, наслаждение связано с тенью, прохладой, замкнутым пространством. Солнцепек, жара и простор для них невыносимо мучительны. Мы до самой ночи пролежали в постели, и в тот первый вечер поужинали маслинами и хлебом на террасе при свете масляной лампы.

На следующий день, надев крестьянскую одежду и надвинув на лоб соломенную шляпу с широкими полями, я в сопровождении Эльвиры отправился в город. На рынке, возле прилавка с горой фиников, я опять увидел человека, посланного убить меня.

Прежде это открытие побудило бы меня к действию: я либо обратился бы в бегство, либо принял бой. На сей раз у меня не было никакого решения — я просто не знал, что предпринять. Как странно, грозящая мне опасность, вместо того чтобы заставить меня думать о будущем, возвращает в прошлое. Мне непонятно, что будет завтра, я вижу только то, что есть сегодня, и ярче всего то, что было вчера. Нежность настоящего потревожила призраков памяти, и я впервые ощутил настоятельную потребность закрепить эти образы на бумаге.

Мне кажется, человек, следующий за мной по пятам, не один. Обычно эти убийцы действуют сообща. Уверен, Эльвира могла бы немало разузнать о них. Она предупреждает малейшее мое желание. Если бы у меня было хоть одно желание, она бы самоотверженно его исполнила. Но я ничего ей не сказал, не дал ничего почувствовать. Не то чтобы я хотел умереть. Я смутно сознаю, что,

когда ко мне подступит смерть, судьба подаст мне знак, который предстоит сперва распознать. Вот почему все размышления влекут меня в прошлое. Убегающее время свернулось плотным клубком воспоминаний. Мне надо неспешно размотать его, вытянуть наконец нить моей жизни и понять, кто именно однажды оборвет ее. Так я взялся писать воспоминания.

Эльвира положила доску в увитой виноградом беседке возле террасы, от которой ближе к полудню протягивается тень. Там я и пишу — с утра до самого вечера. Пальцам моим неловко держать перо. Много лет за меня писали другие, да и то чаще выводили цифры, чем слова. Когда я стараюсь выстроить фразы, силясь привести в порядок то, что в моей жизни набросано вкривь и вкось, я ощущаю, как в пальцах и в душе у меня возникает боль, граничащая с наслаждением. Мне кажется, что я по-новому участвую в трудоемком процессе творения, и благодаря этому то, что когда-то уже посетило этот мир, возвращается в него написанными от руки строками, после того как долго вызревало в забвении.

Под яростным хиосским солнцем все, что мне довелось пережить, становится ясным, многоцветным и прекрасным, даже если это моменты мрачные и болезненные.

Я чувствую себя счастливым.

*

Мое самое давнее воспоминание относится ко времени, когда мне было семь лет. До этого все смешивается: неясное, одинаково серое.

Я родился, когда король Франции потерял рассудок. Мне очень рано рассказали об этом совпадении. Я никогда бы не поверил, что существует хоть малейшая связь, пусть даже сверхъестественная, между жестоким безумием Карла Шестого, настигшим его, когда он ехал по орлеанскому лесу, и моим рождением в Бурже, неподалеку отсюда. Но мне всегда казалось, что вместе с разумом мо-

нарха померк свет мира, как во время небесного затмения. Что с этим связан творившийся вокруг нас ужас.

И дома, и в городе говорили только о войне с англичанами, которая длится уже более ста лет. Что ни неделя, что ни день — до нас доходил рассказ о новой бойне и надругательстве над ни в чем не повинными людьми. Мы-то в городе были под защитой. А в деревнях, где я не бывал, случались жуткие вещи. Наши слуги, у которых были родственники в окрестных селах, по возвращении рассказывали чудовищные истории. Нас с братом и сестренкой старались держать подальше от описаний изнасилованных женщин, замученных мужчин, сожженных хозяйств, а мы, разумеется, сгорали от желания их услышать.

Все это сопровождалось проливными дождями и ненастьем. Наш славный город, казалось, погружался в вечную морось. Зимой рано темнело, а весной, вплоть до прихода лета, и потом, с наступлением осени, все окрашивалось в серые тона. И только летом солнце надолго вступало в свои права. Тогда на беззащитный город с нежданной яростью обрушивалась жара, улицы заволакивала пыль. Матери опасались эпидемий; они держали нас в домах за закрытыми ставнями, вновь погружая в тень и серый сумрак, от которого не было спасения.

У меня возникло смутное подозрение, что все обстоит так, потому что мы живем на проклятой земле безумного короля. До семи лет мне не приходило в голову, что беда может настичь конкретное место: я представления не имел о том, что где-то жизнь протекает иначе, чем у нас, — лучше или хуже, но иначе. Через Бурж проходило немало паломников из Сантьяго-де-Компостелы, они следовали в дальние и почти сказочные края. Я видел, как они с сумой на боку бредут по нашей улице, неся в руках сандалии. Они часами охлаждали ноги в Ороне, протекавшем вдоль нашего околотка. Говорили, что они направляются к морю. Море?.. Отец описал мне гигантское водное пространство, такое же большое, как равнины.

Но описания его были противоречивыми: я без труда догадался, что он повторяет чужие слова. Сам он никогда моря не видел.

Все переменялось в тот год, когда мне исполнилось семь: однажды вечером я увидел зверя с красными глазами и рыжеватым мехом.

Отец мой был меховщиком. Ремесло он осваивал в маленьком селении. Научившись как следует выделывать заячьи и лисьи шкуры, он перебрался в город. Дважды в год на больших ярмарках оптовые торговцы сбывали беличий мех, бывший редкостью, даже шкурки сибирских белок. Увы, из-за тягот войны поездки сделались по большей части невозможны. Отцу приходилось рассчитывать лишь на мелких торговцев, доставлявших ему шкуры, купленные у оптовиков. Некоторые из таких торговцев были охотниками и сами добывали зверя в лесных чащах. Они отправлялись в путь, используя меха как разменную монету: расплачивались ими за пищу и кров. Эти лесные жители зачастую сами носили меховую одежду, причем мехом наружу, тогда как работа скорняков, таких как мой отец, заключалась в том, чтобы, выделав шкуру, носить ее мехом внутрь, чтобы сохранять тепло, мех можно было видеть разве что на воротнике или манжетах. Я долго проводил различие между цивилизованным миром и варварским по этому единственному критерию. Принадлежа к обществу людей развитых, я каждое утро надевал камзол, подбитый невидимым мехом. Тогда как дикари, подобно зверям, выглядели так, будто поросли шерстью, — не важно, что она принадлежала не им.

В мастерской, выходявшей во дворик позади дома, громоздились тюки беличьих, куньих, собольих шкурок с одним или двумя клеймами. Их серые, черные, белые тона были созвучны нашим каменным храмам, шиферным крышам домов, которые под дождем становились фиолетовыми с черным отливом. Рыжие оттенки некоторых шкурок напоминали об осенней листве. Так что

в наших краях, куда ни кинь взгляд, царило цветное однообразие, соответствовавшее грустной череде дней. Обо мне говорили, что я печальный ребенок. На самом деле я с детства испытывал чувство разочарования оттого, что пришел в этот мир слишком поздно, когда из него исчез свет. Но меня согревала смутная надежда, что однажды свет может вновь воссиять, ведь я не был склонен к меланхолии. Нужен был только знак, чтобы проявилась моя подлинная суть...

Знак, которого я ждал, появился ноябрьским вечером. В соборе звонили к мессе. В нашем новом, сплошь деревянном доме нам с братом была отведена комната на третьем этаже под скатом крыши. Я играл с собакой матери, бросал ей пелот¹. Для меня не было лучшей забавы, чем смотреть, как пес, задрвав хвост, кидается вниз по крутой лестнице вслед за брошенным мною клубком. Он возвращался, гордо держа клубок в пасти, и ворчал, когда я его отбирал. Вечер был хмурым. Я слышал, как дождь стучит по крыше. Мысли мои рассеянно блуждали. Я бросал псу нитяной шар, но играть мне уже наскучило. Вдруг в комнате воцарилась тишина: пес, сбегав по ступенькам, не вернулся. До меня это дошло не сразу. Но когда я услышал, как он тявкает где-то внизу, то понял, что случилось нечто необычное. Я спустился туда. Пес стоял на лестничной площадке между первым и вторым этажом. Подняв морду, он, казалось, к чему-то принюхивался. Я втянул ноздрями воздух, но человеческое обоняние не учуяло ничего особенного. Дух горячего хлеба, который мать со служанкой выпекали раз в неделю, перекрывал затхлый запах мехов, к которому мы все были привычны. Я загнал пса в клетушку, где мать хранила постельное белье и подушки, и тихонько спустился вниз поглядеть, что там могло случиться. Я ступал осторожно, чтобы не

¹ Пелот (от *средневеков.-лат. Pelota*) — клубок шелковых или шерстяных ниток.

скрипнули половицы, так как родители запрещали нам без особой надобности находиться в нижних комнатах.

Заглянув в приоткрытую дверь, я убедился, что в кухне все как обычно. Двор был пуст. Я подошел к отцовской мастерской. Как всегда по вечерам, рукодельня при лавке со стороны улицы была закрыта глухими деревянными ставнями. Это означало, что вслед за последними клиентами ушли и подмастерья. И все же отец был не один. Прижавшись к двери, что вела во двор, я увидел спину незнакомца. В руке он держал джутовый мешок, в котором что-то двигалось. Силуэты отца и посетителя резко выделялись на светлом фоне обивки, которую тогда собирали из беличьих брюшек. Свечи в канделябре ярко освещали комнату. Мне следовало немедленно уйти наверх. Находиться в этой части дома, тем более во время визита, мне строго запрещали. Но уходить вовсе не хотелось, к тому же было слишком поздно. Все произошло стремительно. Отец произнес: «Откройте» — и человек раскрыл мешок. Оттуда выскочил зверь размером с небольшую собаку. На нем был ошейник, к которому была прикреплена цепь. Она резко натянулась, когда зверь вдруг бросился к отцу. Издав глухой звук, он встал на задние лапы. Посмотрел в мою сторону, разинул пасть и испустил хриплый крик, какого я никогда прежде не слышал. Забыв всякую осторожность, я вытянулся и оказался в дверном проеме. Зверь смотрел прямо на меня, его фарфоровой белизны глаза были обведены полоской темных волосков. Он встал вполборота, что позволило мне разглядеть его бока. Я никогда не видел меха подобного цвета и даже представить не мог, что такой бывает. При свете свечей шкура зверя казалась золотой, и на этом солнечном фоне, как черные звезды, сияли округлые пятнышки.

Отец поначалу нахмурился, а потом, когда до меня дошла несуразность моего поступка, примирительно сказал:

— Жак, ты вовремя заглянул. Подойди чуть ближе и посмотри.

Я робко сделал шаг вперед, и зверь прыгнул, натянув цепочку, прикрепленную к руке незнакомца.

— Не подходи! — крикнул он.

Это был старик с пергаментной кожей, его худое лицо затеняла короткая торчащая борода.

— Стой где стоишь, — приказал отец, — но смотри в оба! Может, такого зверя ты видишь в первый и последний раз. Это леопард.

Отец в собольей шапке разглядывал похожего на кошку зверя, тот лениво щурился.

Посетитель улыбнулся, обнажив щербатые зубы.

— Он прибыл из Аравии, — выдохнул он.

Я не отрывал глаз от зверя. Золотистый мех слился с только что услышанным новым словом. И незнакомец закрепил эту связь, добавив:

— Там пустыня, песок, солнце. Всегда жарко. Очень жарко.

Я слышал о пустыне на занятиях по катехизису, но не представлял себе, на что похоже то место, куда удалился Христос на сорок дней. И вдруг этот мир открылся мне. Теперь это видится мне именно так, но в тот момент в моем сознании все перепуталось. Тем более что почти сразу зверь, который до этого держался спокойно, вдруг стал рычать и рваться с цепи так, что отец упал навзничь на кипу бобровых шкур. Незнакомец достал из кармана туники хлыст и принялся бить зверя с такой силой, что я решил, что он его убьет. Когда зверь рухнул на пол, он схватил его за лапы и сунул назад в мешок. Я не видел, что было дальше: материнские руки легли мне на плечи и потянули вон из мастерской. Потом мать сказала мне, что я упал в обморок. Я проснулся на заре в своей комнате, будучи уверен, что мне все приснилось, пока родители за завтраком не сказали, что это произошло на самом деле.

Теперь, по прошествии времени, я точно знаю, что означал этот визит. Незнакомец был старый цыган, который скитался из края в край, зарабатывая деньги пока-

зом этого зверя. Порой, развлечения ради, его приглашали к себе в замок знатные господа. Но чаще цыгана можно было встретить на сельских ярмарках и площадях. Зверя он приобрел у купца, возвращавшегося из Святой земли.

С тех пор цыган состарился, а его леопард начал болеть. Будь я опытнее, заметил бы, что зверь ослаб и изголодался, зубы у него стали выпадать. Владелец хотел сбыть его кому-нибудь на ярмарке, но никто не давал хороших денег. Тогда он решил продать его шкуру. Проходя мимо отцовского заведения, он предложил сделку. Почему она не состоялась, я так и не узнал. У отца, видимо, не было на примете покупателя на такую шкуру. А может, ему стало жаль зверя. В конце концов, хотя моя мать и была дочерью мясника, сам отец всегда имел дело только со шкурами, у него не было задатков живодера.

Этот эпизод не получил продолжения. Да мне и не нужны были повторения, он и без того врезался в мою память. Передо мной промелькнул иной мир. Мир земной, живой, а вовсе не по ту сторону смерти, как было нам обещано в Евангелии. У него был цвет — цвет солнца и имя — Аравия. Это была тонкая ниточка, но я ухватился за нее. Расспросил аббата из капитула Святого Петра, ведавшего нашим приходом. Аббат говорил о пустыне, о святом Антонии и диких зверях. Говорил о Святой земле, куда отправился его дядя — он принадлежал к знатной семье и был знаком с рыцарями.

Я был еще слишком юн, чтобы понять его рассказ. Тем не менее он подкрепил мое смутное ощущение: дождь, холод, тьма и война — это еще не весь мир. За пределами владений безумного короля есть иные земли, о которых мне ничего не известно, но я могу их вообразить. Так мечта перестала быть лишь преддверием тоски, простым отстранением от мира, она стала чем-то гораздо большим: обещанием иной реальности.

Несколько дней спустя, вечером, отец тихо сообщил нам ужасную новость: в Париже убит брат короля Людо-

вик Орлеанский. Дяди безумного короля готовы были начисто истребить друг друга. Жану де Берри, во владениях которого мы жили, — а его придворные, следовательно, составляли значительную часть заказчиков отца, — недолго удавалось сохранять нейтралитет в братоубийственной распре. Вот и на нас повеяло смрадным дыханием войны. Родители тряслись от страха, чуть раньше и меня тоже обуяла бы паника.

А теперь, в тот момент, когда мир становился слишком злым, из мешка появился зверь и глянул на меня пламенеющим взором. Мне казалось, что, даже если воцарится тьма, я все равно успею убежать к солнцу. И я твердил себе непонятное волшебное слово: Аравия.

*

Через пять лет война добралась и до нашего города. К тому времени я был уже в том возрасте, когда войны не то чтобы не боятся — ее жаждут.

Тем летом, когда армия безумного короля, объединившись с бургиньонами, двинулась на нас, мне исполнилось двенадцать. Герцогу Беррийскому, нашему доброму герцогу Жану, как с горестной улыбкой говаривал отец, не позволили войти в Париж, где у него был собственный дом. Вынужденный пренебречь обычной осмотрительностью, он принял сторону арманьяков. «Арманьяки», «бургиньоны» — эти благоуханные таинственные слова я слышал, когда родители переговаривались за столом. Вне пределов гостиной мы с братом, меняясь ролями, разыгрывали взрослых персонажей. Мы, братья, тоже сражались между собой. Даже не разумея политических тонкостей, мы, как нам казалось, подметили по меньшей мере одну из причин войны.

Из сел доносились слухи о приближении бургиньонов. Наша служанка навещала родителей и наткнулась на их отряд. Многие деревни в округе были сожжены и разграблены. Бедняжка плакала, описывая бедствия, по-

стигшие ее семейство. Ей хотелось кому-нибудь рассказать об этом, и я заставил ее выложить все.

Хотя эти события происходили совсем рядом с нами, я испытывал отнюдь не страх, а живейшее любопытство. Мне хотелось как можно больше узнать о солдатах и особенно о рыцарях. В этом отношении рассказ служанки немало разочаровал меня. Похоже, грабежи в деревнях совершали заурядные вояки. Судя по тому, что говорили родители служанки, там вообще не было сражающихся рыцарей, какими я их себе воображал. Ведь благодаря своему страстному интересу к Востоку я выслушал множество повествований о Крестовых походах. В Сент-Шапель я познакомился со старцем-дьяконом, который в юности отправился в Святую землю, чтобы принять участие в сражениях.

Мой страстный интерес разделяли многие товарищи по играм, хоть понимали они далеко не все. Их влекли оружие, кони, рыцарские турниры и подвиги, юноши придавали этому огромное значение. Для меня же рыцарство было скорее средством окунуться в чарующий мир Востока. Если бы я знал иной способ попасть в Аравию, у меня это вызывало бы точно такой же интерес. Но в ту пору я не сомневался, что единственное средство оказаться там, преодолев все препятствия на пути, — это отправиться туда, облачившись в доспехи, с мечом на боку, верхом на покрытом попоной боевом коне.

Нас было человек пятнадцать — мальчишек-одногодков из городских кварталов. К нам присоединилось несколько человек, чьи родители находились в услужении или торговали вразнос; отпрыски знати нас игнорировали. Ростом я был чуть повыше остальных, но отличался хрупким телосложением. Говорил я мало и никогда целиком не погружался в игры. Частица меня оставалась в отдалении. Такое поведение наверняка могло показаться надменным. Мальчишки меня терпели, но в минуты откровенных признаний и вольных рассказов отходили

в сторонку. У нас был главарь — высокий парнишка по имени Элуа, сын пекаря. Завитки его густых темных волос напоминали мне овечью шерсть. Он уже отличался завидной физической силой, но возвысился он главным образом потому, что был остер на язык и хвастлив. При такой репутации он одерживал верх, даже еще не ввязавшись в драку.

В июне в окрестностях города объявились бургиньоны. Надо было готовиться к осаде. В предместья спешно сгоняли стада. Площади были завалены бочками с солениями, вином, мукой и маслом. Лето, пованивавшее подгнившей снедью, было раннее и дождливое. В начале июля разразились грозы. Проливные дожди усиливали беспорядок и панику. К большой радости нашей шайки, в городе появилась масса вооруженных людей, готовившихся отражать нападение. Доселе при дворе герцога Жана больше были расположены к искусствам и всяческим удовольствиям, чем к сражениям. Знатные особы никогда не носили доспехи. Теперь, когда над городом нависла угроза, все переменялось. Аристократы обрели тот воинственный облик, который некогда обеспечил их предкам графские и баронские титулы. Впервые в жизни я оказался рядом с рыцарем.

Он неспешно ехал по улице, ведущей к собору. Я припустился за ним. Мне казалось, что если я вспрыгну на круп его лошади, то он отвезет меня в Аравию, где вечно светит солнце и все вокруг переливается яркими красками, — в край леопарда. Покрывало на коне было расшито золотом. Ноги в стременах были защищены кованым железом. Сам человек под железным панцирем был мне странным образом безразличен. Меня больше всего привлекало то, что делало его неуязвимым: кованые детали доспехов, расписанный сверкающими красками четырехугольный щит, плотная ткань конской попоны. Обычный всадник в простой одежде не обладал тем волшебным могуществом, коим я наделял этого рыцаря.

Увы, мечта моя была обречена оставаться бесплодной, ведь я постепенно начинал сознавать, что мне не суждено выбиться из своего сословия. Отец, отправляясь по делам во дворец герцога, все чаще брал меня с собой. Он уже раздумал делать из меня ремесленника, так как я был крайне неумелым. Скорее он видел меня торговцем. Мне нравилась обстановка замка: высокие залы, стража у каждой двери, богатые драпировки, дамы в платьях из ярких тканей. Мне нравились драгоценные камни ожерелий, сверкающие эфесы шпаг у мужчин, паркетные полы из светлого дуба. Когда во время долгого ожидания перед покоями одного из родственников герцога отец объяснил мне, что особые ароматы, витавшие в замке, исходят от эфирных масел, привезенных с Востока, это усилило мой интерес. Однако пребывание в замке окончательно лишило меня всякой надежды войти в этот мир.

К отцу там относились с отвратительным презрением, а он пытался приучить меня сносить это. Всякий, кто продает товар сильным мира сего, утверждал он, должен понимать, как это лестно. Для этих покупателей не существовало ничего прекрасного. Все усердие и способности, ночи, проведенные за разработкой моделей, кройкой и шитьем, — все это было ради того мгновения, когда богатый клиент выкажет удовлетворение. Этот урок я усвоил и смирился с нашей участью. Научился видеть мужество в отречении. Каждый раз после визита в замок, где с отцом обращались грубо, я испытывал за него гордость. Мы шли домой, и я держал его за руку. Он весь дрожал от унижения и ярости — теперь мне это понятно. Однако в моих глазах проявленное им терпение было единственной доступной нам формой отваги, поскольку, в отличие от знати, нам никогда не будет дозволено носить оружие.

С товарищами я, по примеру отца, держался сдержанно, избегая сближения. Говорил редко, соглашаясь с тем, что говорили другие, в их затеях мне отводилась скром-

ная роль. Они относились ко мне с легким презрением — до того случая, который все переменял.

В августе, когда мне исполнилось двенадцать, закончились приготовления к осаде города. Кольцо замкнулось. Старики вспоминали, как полвека назад город грабили англичане. Люди пересказывали друг другу эти ужасы. Особенно такими историями упивались дети. Элуа что ни день поражал нас новыми жуткими рассказами, которые покупатели оставляли вместе с монетами в лавке его отца. Он сделался нашим предводителем ввиду того, что, по его словам, в новых условиях мы стали одним из отрядов войска. С нашей небольшой группой он связывал честолюбивые планы, и прежде всего ему хотелось обзавестись оружием. Под большим секретом он организовал ради этого специальную вылазку. На протяжении нескольких дней он вел тайный инструктаж, сообщая разные сведения и отдавая распоряжения членам нашей группы, чтобы все держать под своим полным контролем. На одном из таких тайных совещаний, незадолго до великого дня, речь, должно быть, шла обо мне, так как в нем участвовали все, кроме меня. Элуа в конце концов огласил решение: я иду вместе со всеми.

В обычную пору лето было вольным временем для мальчишек, обучавшихся при школе Сент-Шапель. Война послужила дополнительной причиной нашей свободы. Мы собирались на паперти и проводили дни в праздности. Ночью нам нельзя было покидать дома: дозорные задерживали любого, кто расхаживал по улицам. Так что удар следовало нанести в разгар дня. Элуа наметил жаркий, располагавший ко сну погожий полдень. Он приказал нам идти в предместье, где жили кожевники, оттуда по заросшему травой косогору спуститься к болотистому берегу. Элуа заметил плоскодонку, рядом с которой был спрятан деревянный багор. Мы всемером забрались в лодку. Элуа оттолкнулся багром, и мы медленно поплыли.

Собор высился вдали. Не сомневаюсь, что все страшно перепугались: никто из нас не умел плавать. Я испытывал страх, пока суденышко не удалилось от берега. Но когда мы поплыли среди водорослей и кувшинок, меня вдруг переполнило ощущение счастья. Солнце и августовская жара, таинственная власть вод, по которым можно следовать куда угодно, звенящий лет насекомых — все наводило на мысль, что мы направляемся в иной мир, хоть я и понимал, что находится он куда как дальше.

В тот момент, когда лодка вплыла в заросли камыша, стоявший в ней Элуа нагнулся и знаком велел нам молчать. Мы двигались по узкой полоске воды, окаймленной бархатистыми камышами, как вдруг до нас донеслись голоса. Элуа направил лодку к берегу. Мы спрыгнули на землю. Мне было приказано остаться на берегу охранять лодку. Вдалеке, за изгородью, виднелись лежащие на земле люди. Это явно были мародеры из бургундского войска. Человек десять — двенадцать лежали в тени вяза близ другого рукава реки, многие спали. Те, что бодрствовали, переговаривались между собой — это их хриплые голоса донеслись до нас. Солдаты расположились довольно далеко, на самом солнцепеке. Вокруг темного пятна погасшего костра в беспорядке валялись меховые одеяла, дорожные сумки, бурдюки и оружие. За вещами никто не следил. Элуа тихо отдал приказ трем самым низкорослым: подползти в траве к оружию и взять столько, сколько смогут утащить. Мальчишки повиновались. Незаметно подобравшись к мародерам, они бесшумно сгребли в охапки мечи и кинжалы. Они двинулись было назад, когда один из мародеров, пошатываясь, поднялся на ноги, чтобы облегчиться. Обнаружив воришек, он поднял тревогу. Услышав крик, Элуа драпанул первым, за ним двое его верных приятелей, не отходивших от него ни на шаг.

— Нас обнаружили! — крикнул он.

Элуа с двумя приятелями запрыгнул в лодку.

— Толкай! — приказал он мне.

— А остальные?

Стоя на берегу, я держал причальную веревку.

— Они вот-вот настигнут нас. Толкай немедленно!

Я не двинулся с места, он вырвал у меня веревку и, резко оттолкнувшись багром, направил барку в заросли камыша. Я услышал треск ломающихся стеблей: лодка удалялась от берега.

Несколько секунд спустя на берег примчались те трое. Они доблестно прихватили с собой кое-какие трофеи, добытые возле потухшего костра.

— А где лодка? — спросили они.

— Уплыла, — ответил я. — Там Элуа...

Сегодня я могу утверждать, что именно в тот момент определилась моя судьба. Мною овладело странное спокойствие. Любой, кто меня знал, не обнаружил бы никакой перемены в моем обычном мечтательно-флегматичном поведении. Но для меня все обстояло совсем иначе. Мечта нередко переносила меня в иные миры, но в ту минуту я прекрасно понимал, где именно нахожусь. Я остро сознавал сложившуюся ситуацию и оценивал, какая опасность грозит каждому из участников драмы. Благое умение ястребиным оком взглянуть на все с высоты птичьего полета позволило мне отчетливо увидеть проблему и ее решение. Мои растерянные, дрожащие спутники озирались кругом, не видя никакого выхода, и тут я совершенно спокойно сказал:

— Нужно идти туда.

Мы побежали по узкому берегу. До нас доносились протяжные крики. Солдаты были еще далеко. Им сперва надо было очнуться от сна, сообразить, что происходит, договориться между собой, к тому же наемники, вероятно, не все говорили на одном языке. Я отчетливо сознавал, что залог нашего спасения в том, что мы маленькие и юркие. Направившись со своей группой вдоль берега, я, как и предполагал, наткнулся на деревянный мосток, перекинутый через протоку. Это был просто кривой, уже

прогнувшийся ствол дерева. Мы все четверо с легкостью проскочили на ту сторону. Мародерам придется труднее, а если нам чуть повезет, ствол может треснуть под кем-нибудь из них. Бегство продолжалось; к облегчению приятелей, я сбавил темп, сохраняя ритм. Ни в коем случае нельзя было выбиться из сил. Нам, быть может, предстояло длительное испытание, нужно было поберечь силы.

Опускаю подробности наших злоключений. Через полтора дня, вечером мы добрались до города; мы преодолевали каналы верхом на стволах поваленных деревьев, потом украли какую-то лодку, наткнулись на конный отряд. Уже в сумерках, исцарапанные колючками ежевики, оголодавшие, но гордые, мы явились домой. Я вел себя с неизменным спокойствием. Спутники беспрекословно следовали моим указаниям. Я настоял, чтобы они не бросали украденное оружие. В общем, мы не только спаслись, но и чувствовали себя победителями. Наши похождения наделали в городе немало шума. Все уже сочли, что мы погибли, поверив героическим рассказам Элуа, умело расписавшего свои заслуги. Он утверждал, что следовал за нами, пытаясь удержать нас. «Я так хотел спасти их, но, увы...» — и тому подобное. Наше возвращение пролило свет на истинный ход событий. Элуа сурово наказали, более того, его авторитет рухнул. Он стал первым из многочисленных врагов, нажитых мною на протяжении жизни, — просто из-за того, что все увидели его слабость.

Родители так горевали, оплакивая мою смерть, что даже не стали бранить меня по возвращении. К тому же герцог прослышал, что нам удалось раздобыть оружие, и лично поздравил моего отца.

Спасенная троица упрочила мою репутацию. Приятели честно описали свою растерянность и мою прозорливость. Отныне, хоть я и вел себя как раньше, все стали воспринимать меня совершенно иначе, видя уже не мою мечтательность, а рассудительность, не застенчивость,

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. На земле безумного короля	7
II. Караван в Дамаск	72
III. Казначей	145
IV. Агнесса	225
V. К возрождению	329
Послесловие	409

Руфен Ж.-К.

Р 91 Большое Сердце : роман / Жан-Кристоф Руфен ; пер. с фр. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-15847-4

Жан-Кристоф Руфен, известный французский писатель, лауреат Гонкуровской премии, историк, дипломат, один из основателей движения «Врачи без границ», написал немало книг, завоевавших огромную популярность. «Большое Сердце» до сих пор возглавляет списки бестселлеров по разделу исторического романа.

В тени ветхой беседки на каменистом островке в Эгейском море укрылся от палящего солнца тот, кто был самым богатым и могущественным человеком во Франции, тот, кто позволил Карлу Седьмому покончить с последствиями Столетней войны. Жак Кёр, бывший государственный казначей, кредитор влиятельнейших лиц в королевстве, рассказывает о своей жизни. Он распутывает паутину невероятной судьбы, истолковывает ее таинственные знаки: леопард, море, дворец, напоминающий одним фасадом средневековый замок, другим — итальянское палаццо. Но почему теперь Жак Кёр спасается бегством от наемных убийц и о чем он говорил с самой красивой женщиной столетия Агнессой Сорель в их последнюю встречу?..

Впервые на русском.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ РУФЕН
БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Ответственный редактор Галина Соловьева

Редактор Елена Леонова

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.05.2019. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AUM-24251-01-R